

<https://doi.org/10.5281/zenodo.8052792>

УДК 7.038.6

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА ИЛИ РЕДУКЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

А.М. Ульянов,

студент 2 курса, магистратура, напр. «Философия»,
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

Аннотация: В данной статье осуществляется попытка доказать определяющую роль социокультурного дискурса, в котором человек существует, на путях его самопознания и познания окружающей реальности. Как проблемный выносится вопрос - может ли человек быть редуцирован к частному элементу определяющей его социальной и культурной структуры, или он ни к чему принципиально не сводится. Автор статьи опирается на работы философов, социологов, культурологов и эссеистов, анализирующих схожую проблематику.

Ключевые слова: дискурс, структура, социокультурный контекст, этика, эпистема

THE POWER OF DISCOURSE OR HUMAN REDUCTION

A.M. Ulyanov,

2nd year student, magistracy, e.g. "Philosophy",
Orel State University named after I.S. Turgenev

Annotation: This article attempts to prove the decisive role of the socio-cultural discourse in which a person exists on the paths of his self-knowledge and knowledge of the surrounding reality. As a problematic issue, the question is raised - can a person be reduced to a particular element of the social and cultural structure that defines him, or is he fundamentally not reduced to anything. The author of the article relies on the works of philosophers, sociologists, culturologists and essayists who analyze similar issues.

Keywords: discourse, structure, sociocultural context, ethics, episteme

---

Прежде чем начать, хотелось бы сделать небольшую ремарку, чтобы сразу обозначить авторскую позицию. Данная статья не претендует на строгую научную достоверность, точность фактологической базы или новизну исследовательского метода. Философствование есть внутренняя потребность, чаще всего рождающаяся из смутного внутреннего ощущения, некоторого субъективного мировоззренческого чувствования, которое, дабы закрепиться в реальности, находит свое выражение в письме и тексте. Поводом к написанию данной работы послужили ощущение внутренней несвободы и желание вырваться за пределы тотальной обусловленности человеческого существования в мире культурных кодов, социальных структур и предустановленных этических и эпистемологических норм. Если попытаться оформить эти чувства в более или менее законченные мысли, возникают два тезиса. Первый состоит в том, что любая социокультурная парадигма, существующая в мире на данном этапе его развития, репрессивна по своей сути и заранее определяет те отношения, которые человек будет выстраивать с окружающей его действительностью и, более того, с самим собой на путях личного самопознания. Второй тезис представляет собой одновременно и вопрос – может ли человек быть редуцирован к внешним и, как кажется, чуждым ему элементам: к социальной роли, к частному элементу общественной структуры, к объекту научного знания? Или человек ни к чему принципиально не сводится, а существует нечто внутри него, что одновременно превышает все его контекстные определения? В данной статье будет предпринята попытка развить эти тезисы и углубить поставленные вопросы.

Если, в первую очередь, взяться за анализ второго тезиса о принципиальной несводимости человека к внешним ему элементам, то нельзя не коснуться вопроса о человеческой свободе, ее границах и даже самой возможности существования ее как безусловного феномена. Наиболее полно, как представляется, вопрос о свободе был разработан во французском экзистенциализме середины XX

века. Например, у Жан Поль Сартра, самого видного его представителя, свобода является чем-то абсолютным, неким предзаданным условием существования каждого человека, которое предшествует его сущности [5]. Таким образом, свободу можно определить как возможность и даже необходимость субъекта осуществлять свой выбор в условиях неопределенности, а затем как неизбежность наступления ответственности за этот выбор. Это далеко не единственный, но необходимый нам в целях данной статьи ракурс рассмотрения феномена свободы. Такой выбор будет неизбежно в больших или меньших масштабах преобразовывать окружающую субъекта действительность. Тем самым на человека как субъекта активного действия возлагается ответственность за ту социальную, культурную, историческую реальность, в контексте которой он существует. Но что, если кардинально изменить фокус рассмотрения феномена свободы и активного субъектного действия? Прежде чем начать действовать, осуществлять свой активный выбор, у человека должны сформироваться субъективные представления, мысли, некоторые смыслообразующие ориентиры относительно окружающей его действительности. Но могут ли они формироваться свободно, на основе только некоего абстрактного внутреннего желания субъекта поступать так, а не иначе? Здесь стоит выдвинуть следующий тезис: только родившись, человек сразу же попадает в поле определенных, сформированных до него и распространяющихся на него, культурных, социальных и исторических практик. Человек сразу же становится заложником или, если выразиться менее радикально, элементом предустановленной структуры. По-другому эту структуру принято называть социокультурным дискурсом.

Концепт дискурса наиболее широко разработан в работах Мишеля Фуко, французского философа, теоретика истории и культуры. В работе «Порядок дискурса» Фуко дает следующее определение этому понятию: «Дискурс представляет собой совокупность высказываний относительно той или иной области, и структурирует способ говорения на ту или иную тему, о том или ином объекте, процессе» [7]. Уже из этого определения становится ясно, что говорение или вынесение суждений человеком о любой части реальности происходит согласно структуре заданного

дискурса, в котором этот человек находится. При таком ракурсе рассмотрения феномена свободы речь о некоей бесосновной, т.е. существующей вне дискурса, субъективной свободе уже не может вестись. Более того, само понятие субъектности представляется адекватным и что-то значащим лишь в рамках существующего в данный момент социокультурного дискурса.

Далее рассмотрим некоторые составные части того социокультурного дискурса, который, как было обозначено выше, определяет существование погруженного в него человека. Свое отношение с миром человек выстраивает, в первую очередь, в поле языковых практик. Вещи могут включаться в сферу интенционального сознания лишь будучи означенными словами. Полноценное и плодотворное взаимодействие между людьми, равно как и их сознательное воздействие на реальность возможно, в первую очередь, посредством вербальных способов коммуникации. «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – обитатели этого жилища. Их сфера – обеспечение открытости бытия, насколько они дают ей слово в речи, тем самым сохраняя ее в языке». - Это слова Мартина Хайдеггера из его письма французскому философу Жану Бофре [9]. Само человеческое существование может поддаваться рефлексии и осознанию даже им самим только в заранее данном лингвистическом дискурсе. Поэтому можно согласиться с Витгенштейном, что язык есть форма жизни. Действительно, человек рождается и сразу попадает в определенный языковой контекст. Для выражения, казалось бы, собственных переживаний, эмоций и мыслей человек использует уже заранее данный ему язык, даже сами мысли не могут быть уникальными в собственном смысле, ибо выражаются в понятиях, понятных и разделяемых тем социумом, в котором человек существует. О какой метафизической или трансцендентной свободе может идти в таком случае речь? «Витгенштейн в работе «О достоверности» анализирует примеры истинных, несомненных эмпирических высказываний: «Я знаю, что это моя рука», «Я знаю, что это дерево» и т.п. Эти высказывания Мура он понимает не как «непосредственные констатации самой действительности», т.е. истинные, проверяемые опытом высказывания, а совсем по-иному, чем эмпиристы. Он определяет такие высказывания как достоверные, но

недоказываемые. Во-первых, они являются продуктом жизненного опыта членов языкового сообщества, и в этом смысле по своему происхождению являются эмпирическими. Во-вторых, в системе языковой игры они выполняют особенную функцию правил и таким образом выводятся из под критики и сомнения» [2].

Можно пойти дальше и сказать, что сама человеческая субъективность, отношение человека к самому себе как к субъекту, может быть выстроена только в поле определенным образом существующих языковых практик. Уникальность конкретного субъекта тогда может быть рассмотрена лишь как частный случай абстрактной субъектности, некой равной для всех, кто включен в языковой дискурс, возможности стать субъектом. «Язык устроен таким образом, что позволяет каждому говорящему, когда тот обозначает себя как «я», как бы присваивать себе язык целиком» [1]. Если следовать такой логике, то человек, когда заявляет о своей субъектности посредством языка, редуцирует роль чистой субъектности в этом акте до языковой структуры, позволяющей ему быть субъектом высказывания. Формальное основание субъектности тогда следует искать в самом языке, а точнее, в определенном типе лингвистической детерминации субъектных знаков, которые «организуют пространственные и временные отношения вокруг «субъекта», принятого за ориентир» [1].

Чтобы даже вполне осознанно сказать о себе «Я», человек должен быть частью уже определенного лингвистического дискурса, поэтому понимаемые таким образом языковые практики можно считать, в какой-то мере, репрессивными по отношению к человеку, диктующими ему свои нормы, а самого человека рассматривать всего лишь как продукт их постоянного осуществления в том или ином сообществе.

Человек напрямую соотносится с той эпохой и с тем общественным порядком, в которых он рождается и существует, следовательно, он перенимает этические нормы, господствующие в этом обществе. Потому следующей после области языковых практик следует рассмотреть поле этических норм и нравственного чувства. Сделать это необходимо в нужном нам ракурсе обусловливания человеческой деятельности и непосредственного влияния на нее, а также в масштабах очерченных рамками данной статьи.

Стандартные дихотомии добро/зло, хорошо/плохо, правильно/неправильно чаще всего воспринимаются человеком как нечто безусловное и не требующее критического анализа или серьезных доказательств, т.к. они непрестанно воспринимаются и усваиваются им в процессе воспитания и социализации, которые начинаются с раннего детства, когда человек еще существует практически бессознательно, и беспрестанно продолжаются до конца жизни. Влияние же подобных этических норм на мотивацию и деятельность человека колоссально. И речь идет не столько даже об этических гетерономных догмах, допустим, выросших на религиозной почве или из традиций общества, с которыми человек соотносит и сравнивает как с неким идеалом свое фактическое поведение, или которыми руководствуется как сводом правил и законов, а сколько о моральном чувстве, внутренне присущим каждому человеку. Любой выбор в условиях неопределенности человек осуществляет в соответствии с этим моральным чувством или вопреки ему. Понятия о чести, достоинстве, гуманности, справедливости, совести и т.п., жизненно необходимые для существования человека, относятся и выводятся из этого чувства. Достаточно вспомнить И. Канта и его всем известный категорический императив нравственности. Этот императив по Канту выводится из самого себя, для его обоснования нет нужды прибегать к религиозным текстам и толкованиям. Так, в работе «Религия в пределах только разума» Кант пишет: «Мораль, поскольку она основана на понятии о человеке как существе свободном, но именно поэтому и связывающем себя безусловными законами посредством своего разума, не нуждается ни в идее о другом существе над ним, чтобы познать свой долг, ни в других мотивах, кроме самого закона, чтобы этот долг исполнить. ...ведь то, что возникает не из него самого и его свободы, не может возместить его отсутствия моральности. Следовательно, для себя самой мораль отнюдь не нуждается в религии; благодаря чистому практическому разуму она довлеет сама себе» [3]. Таким образом, основания нравственности лежат в области априори, т.е. в области не требующей доказательств, а объективно предзаданной любому человеческому существованию в любую историческую эпоху. Такой подход полностью метафизичен, а, следовательно, требует

критического рассмотрения для нужд данной статьи. Снова обратимся к философии Мишеля Фуко, на этот раз к центральному понятию его теории археологии знания - эпистеме. В работе «Слова и вещи» М. Фуко эпистема выступает у него как историческое априори, задающее условия возможности форм культуры и конкретных форм знания определенной эпохи, причём её основу составляют скрытые структуры, определяющие способ упорядочивания «вещей» в «словах» и обнаруживаемые в системе синхронистических изоморфизмов культурных феноменов [8]. Таким образом, знание априори больше не является объективным, а только историческим, следовательно, и искать метафизические основания морали и нравственности бессмысленно. Определенная мораль существует только в определенном социуме, т.е в заданном социокультурном дискурсе. И нравственные дихотомии привычные и кажущиеся объективными для одного общественного устройства или для одной исторической эпохи будут чуждыми и неестественными для другой. Одним из первых, кто однозначно подверг релятивизму якобы объективные моральные положения и догмы был Ф.Ницше, недаром из-за последовательного скептицизма и во многом подрывной философской деятельности Мишеля Фуко некоторые называли современным воплощением Ницше (прямо в соответствии с Ницшевским учением о вечном возвращении). Рассуждая об относительности любых моральных феноменов, и существовании лишь моральных интерпретаций таких феноменов Ницше писал: «Мораль есть лишь истолкование известных феноменов, говоря точнее, лжетолкование. Моральное суждение, как и религиозное, относится к той ступени невежества, на которой ещё отсутствует даже понятие реального, различие реального и воображаемого: так что «истина» на этой ступени означает все такие вещи, которые мы нынче называем «фантазиями» [4]. Потому не стоит искать подлинной свободы или истины в последней инстанции и во внутреннем моральном чувстве, которое, так же как и область языковых практик, является составной частью социокультурного дискурса, довлеющего над человеком и определяющего его поведение.

Дискурс, господствующий в определенном обществе, конструирует также и эпистемологические (в некоторой степени

этические) оппозиции по типу истина/ложь, объективность/субъективность. Истина не бывает объективной или априорной, это, скорее, интерсубъективная категория, то есть признаваемая и разделяемая большим числом членов социума на данном историческом этапе его развития. Потому споры об истине тождественны спорам о власти дискурса, который эту истину и воспроизводит. Здесь опять же уместно сослаться на работу М. Фуко «Слова и вещи» и его рассуждения об исторических эпистемах, конструирующих границы знания [8]. Такое интерсубъективное понятие истины распространяется, в первую очередь, на сферу науки, целью которой декларируется установление, казалось бы, объективных законов развития мира. Господствующая в современном мире западная рациональность захватывает общества чуждых ей культурных и мировоззренческих ментальностей, объявляет их ложными и под лозунгом стремления к научно-техническому прогрессу стремится к культурной унификации и тотальному распространению своего дискурса. Здесь уместно вспомнить, например, идеи австрийско-американского философа и методолога науки Пола Фейерабенда, подробно сформулированные им в работе «Прощай, разум»: «Я подвергаю критике две идеи, которые часто использовались для придания интеллектуальной привлекательности экспансии Запада, - идею Разума и идею Объективности» [6]. Дальше по тексту Фейерабенд перечисляет негативные последствия такого захвата, переживаемые человеком другой культуры, однако в рамках данной статьи нет задачи критиковать или наоборот защищать подобную несомненно присутствующую экспансию. Задача заключается в том, чтобы показать, что человек, существующий в достаточно герметичном дискурсе своего конкретного исторического общества, будет опираться на этические и эпистемологические истины и положения этого дискурса как на что-то объективное и безусловное. И при этом не замечать, как сами эти истины, будучи, в общем-то, внешними ему, определяют его внутреннее существование, личные убеждения и мировоззрение.

В заключении хочется более или менее лаконично трансформировать изложенное выше в конкретные выводы к тезисам, обозначенным во введении данной статьи. С первым

тезисом остается только согласиться. Любой социокультурный дискурс действительно определяет человеческое существование в мире, как в прокрустово ложе, помещая его в область установленных лингвистических, этических или эпистемологических практик. Более того только при корректном усвоении норм и правил таких практик возможно нахождение отдельного человека в социуме, его осознанное сосуществование с другими. Отказ от такого усвоения обрекает человека на одиночество и непонятость. Да и сам отказ или протест против существующего порядка вещей уже заранее вписан в поле дискурса, это еще одна из возможных моделей поведения, существующая в культуре, только в виде ее отрицания. Второй тезис верен, если оставить за рамками изложения, как это и было сделано в данной статье, животное начало человека и редукцию его до биологических инстинктов. Нас же интересуют области социума, истории, культуры, внутри которых человек исключительно и может вести свою более или менее сознательную жизнь, стремиться к самопознанию и выстраиванию связей с окружающей реальностью. В таком случае, коль скоро метафизические основания существования человека несостоятельны, а сама метафизика - продукт человеческой культуры на определенном этапе его исторического развития, то и сведение человека к частной единице общей социальной и культурной структуры представляется вполне корректным и даже неизбежным. Однако такой порядок вещей не стоит считать исключительно репрессивным или насильственным по отношению к человеку, наличие на Земле множества культурных парадигм и мировоззренческих концепций дает человеку достаточно широкую свободу для их освоения и усвоения (т.е фактически для трансформации его взглядов на самого себя) даже при условии замкнутости его существования в конкретном историческом периоде. В связи с предвидением обвинений в очевидности доказанных тезисов следует еще раз оговориться, что данная статья задумывалась лишь как отклик на невыразимую тоску от желания выйти за пределы культуры, оставаясь при этом в границах осознанности, возможно, это всего лишь след метафизических чаяний и исканий прошлого, оставшийся на поверхности современного рационально осмысленного мира.

Список литературы

- [1] Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М.: «Прогресс», 1974.
- [2] Кант И. Религия в пределах только разума // Соч.: в 8 т. - М.: Чоро, 1994а. Т. 6. 5-222 с.
- [3] Марков Б.В. Л. Витгенштейн: язык - это «форма жизни» // Серия «Мыслители», История философии, культура и мировоззрение. Выпуск 3 / К 60-летию профессора А.С. Колесникова Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. 85-102 с.
- [4] Ницше Ф. Сочинения. В 2-х тт. Т. 1,2 - М.: Мысль, 1990.
- [5] Сартр Ж.-П. Экзистенциализм - это гуманизм // Сумерки богов. - М.: Политиздат, 1989. 319-344 с.
- [6] Фейерабэнд П. Прощай, разум / Пер. с англ. А. Л. Никифорова. - М.: АСТ: Астрель, 2010. 477 с
- [7] Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 47-97 с.
- [8] Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. - М.: Прогресс, 1977. 405 с.
- [9] Хайдеггер М. Время и бытие (статьи и выступления) - М.: Республика, 1993.

Bibliography (Transliterated)

- [1] Benveniste E. General linguistics. - M.: "Progress", 1974.
- [2] Kant I. Religion within the limits of reason alone // Works.: in 8 volumes - M.: Choro, 1994a. T. 6. 5-222 p.
- [3] Markov B.V. L. Wittgenstein: language is a "form of life" // The Thinkers Series, History of Philosophy, Culture and Worldview. Issue 3 / To the 60th anniversary of Professor A.S. Kolesnikova St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2000. 85-102 p.
- [4] Nietzsche F. Works. In 2 vols. T. 1.2 - M.: Thought, 1990.
- [5] Sartre J.-P. Existentialism is humanism // Twilight of the gods. - M.: Politizdat, 1989. 319-344 p.
- [6] Feyerabend P. Farewell, reason / Per. from English. A. L. Nikiforova. - M.: AST: Astrel, 2010. 477 p.

[7] Foucault M. The order of discourse // The will to truth: beyond power, knowledge and sexuality. Works of different years. М.: Kastal, 1996. 47-97 p.

[8] Foucault M. Words and things. Archeology of the Humanities. - М.: Progress, 1977. 405 p.

[9] Heidegger M. Time and being (articles and speeches) - М.: Respublika, 1993.

© А.М. Ульянов, 2023

Поступила в редакцию 26.05.2023

Принята к публикации 06.06.2023

Для цитирования:

Ульянов А.М. Власть дискурса или редукция человека // Инновационные научные исследования. 2023. № 6-1(30). С. 107-117.
URL: <https://ip-journal.ru/>